

ВИОЛЕТТА РОМАН

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ЛУЧШЕ
П Р Я Ч Ь С Я

Виолетта Роман

Лучше прячься

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67670316

SelfPub; 2022

Аннотация

Она внучка генерала. Молодая и принципиальная следователь. Он – местный авторитет, дело которого поручено ей. Ей пророчат быстрый взлёт карьеры и высокие звания. У него не осталось ничего, кроме жажды мести. Она презирает таких, как он, и в её власти посадить его надолго. Но всё выходит из-под контроля, и в определённый момент ей предстоит сделать выбор. На чаше весов окажутся её родные и карьера. А на другой... на другой окажется он.

Заключительная часть дилогии (Первый том: Поверь мне)
Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	31
Глава 4	48
Глава 5	55
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Виолетта Роман

Лучше прячься

Пролог

– Ты сбежала с преступником, оставив своего деда одного, Алена.

Я ненавидела его за эти слова. Смотрела в злые глаза, и понимала, что заслуживаю каждую из сказанных фраз. Все так и было. Я выбрала сердцем, не подумав о последствиях. Сломала свою жизнь и карьеру ради того, кому оказалась не нужна. А теперь я вернулась сюда, где мне не рады. С огромной дырой в сердце.

Сделала шаг к нему, заранее коря себя за то, что собираюсь сделать. Но выбора у меня нет.

– Прошу, спрячь меня...

Он усмехнулся. Посмотрел на меня устало.

– Я спрячу. Только это не поможет. – ОН все равно найдет тебя...

Глава 1

– Что тут происходит?!

Русаков напряженный весь. Руки в кулаки сжаты, смотрит на нее настороженно. Словно опасается, не доверяет. Готовый в любую минуту хищником на нее броситься.

А у нее по щекам слезы текут. Кривится так, словно он ей больно сделал, Будто не ожидала такой реакции.

Ольга делает несколько шагов, сокращая расстояние между ними до «ничего». В глаза ему всматривается, жадно так, с мольбой.

– Миша, это ведь я, любимый, – ее руки обвивают его шею. Она прижимается к нему, а Шторм все еще столбом каменным стоит.

– Я полгода скиталась, не знала, что с тобой, – дрожащим от слез голосом. В ней на самом деле столько боли! Я не знаю, что будет дальше, но... Мне самой жалко эту девочку.

– Мне Денис запретил искать выходы на тебя, сказал, что придет, и не приехал. Денег хватило только на пять месяцев. Я... – речь девушки сумбурная, нервная. Она отворачивается на секунду, словно пытается воздуха в грудь набрать.

– Я забыла, когда ела нормально в последний раз... Думала уже все, будь что будет. Хотела вернуться в Ростов.

– Ладно, – кивает Миша, убирая с себя ее руки. – Идем в дом, поговорим.

Она с обидой на него смотрит, но кивает послушно.

Шторм проходит мимо меня, даже не посмотрев. Тучей огромной, грозовой проносится мимо. И мне вдруг так холодно становится.

– Я поехал, – произносит Изварин, но Шторм быстро осекает его.

– Иди в дом. Я хочу послушать вас обоих.

Тот кивает, пожимая плечами. Видно, что ему нравится все, что тут происходит. Марк бросает на меня наглый взгляд.

– Лель, идем, – обнимает ее за плечи. – Не пугайся его реакции. Он просто в шоке. Идем, милая.

Они заходят во двор, а я еще несколько минут стою и не могу вспомнить, как мне вдох сделать. Я это чувствую. Как капля по капле во мне отмирает что-то. Ломается безнадежно и бесповоротно. Прямо сейчас.

Оборачиваюсь и смотрю на машину Изварина. Зачем он привез ее сюда? Как встретил? Как она вообще оказалась жива? Нет. Я не позволю ей войти в мой дом и вот так просто забрать МОЕГО мужчину. Еще полгода назад у этой девушки были все шансы. Но не сейчас.

Я захожу во двор, уверенно направляясь в сторону дома. У самой сердце грохочет, на уровне горла. Мутит сильно, но, сцепив волю в кулак, я поднимаюсь по крыльцу и, открыв дверь, захожу внутрь.

Она в гостиной. Забралась с ногами на диван, обнимает

свои колени. Шторм в коридоре, говорит с кем-то по телефону. Скорее всего, звонит Гаспару и Артему. Изварин уже вовсю орудует в баре. Угощается по-полной – в наглости ему не отказать.

– Простите, – слышу всхлип испуганный. Повернувшись, встречаюсь с ней взглядом. С*ка! Плачет так горько. Такая тоненькая, красивая. Как бы не ненавидела ее сейчас, не могу этого не признать. И ее красота ядом в меня проникает, в каждую клетку, в каждую пору.

– Вы домработница? Не могли бы вы принести воды?

Домработница?! И сказала ведь так, словно по головке погладила. Нежности столько в голосе, в каждом жесте. Если сейчас попытаюсь на место поставить – буду стервой выглядеть.

– С газом или без? – получается слишком грубо для обслуги. Но, ничего не могу с собой поделат. Желание придушить ее никуда не делось.

– Без газа, если вас не затруднит, – смахивает тоненькими пальчиками влагу с глаз.

Направляюсь в кухню. Успокаиваю себя мысленно. Нужно услышать все, что она скажет. Нужно подождать.

Делаю десять глубоких вдохов, и, закрыв глаза, воспроизвожу в памяти самое приятное воспоминание. Концентрируюсь на нем.

Я в лодке. Вокруг шум воды и шелест деревьев на ветру. Я ложусь на спину, и плыву по течению. Солнышко приятно

гreet мое лицо, и я чувствую внутри себя гармонию, она переполняет меня.

Распахнув глаза, смотрю на ладони. Больше не трясутся. Вот и хорошо.

Направляюсь к графину с водой и наполняю стакан. А когда возвращаюсь, в комнату, застываю в нерешимости в проеме. Ольга лежит на полу. Без сознания или просто плохо стало? Он над ней. Склонился, волосы с ее лица убирает, скулы ее гладит, что-то шепчет... такие теплые слова. Она отвечает. Тихим, тоненьким голосом. И спустя мгновение он на руки ее поднимает. Такой сильный, ее хрупкую держит, прижимая к груди. На диван осторожно кладет.

– Воды! – кричит, не отводя от нее глаз. И его требовательный голос словно удар током. Каждый орган мой поражает. Выжигает клеймом каждый нерв. Больно. Так что в глазах темнеет. Я будто кукла безвольная. Ничего не чувствую, не слышу. Действую на автопилоте. Подхожу к нему и протягиваю стакан.

Он забирает его. И когда наши пальцы соприкасаются, Миша вдруг поднимает на меня глаза. Напряженный такой, заведенный. И я жду. Жду от него той теплоты, что всего десять минут назад была, когда он в душ меня звал. Жду его собственного взгляда или жеста. Чтобы прижал к себе, обнял. Чтобы вместе. Но, лишь мазнув по мне безразличным взглядом, он возвращает внимание к ней. Поднимая голову девушки, дает ей выпить.

Это какой-то сюр. Подумать только, в доме, который я считаю своим, с моим мужчиной рядом сидит его бывшая. Девушка, смерть которой свела нас с Мишей. Девушка, которую я ненавижу всеми фибрами души.

Черт. Я всегда считала себя добрым человеком. И по идее я должна радоваться за нее. Ю-ху, Ольга жива! Все просто отлично. Но когда я смотрю на ее заплаканное лицо, мне хочется дикой кошкой в него вцепиться.

Шторм нервно расхаживает по комнате, ждет пока эта мадам придет в себя. Мне хочется накричать на него. Подойти и вlepить пощечину. Какого черта он носитcя с ней? Какого черта не выпроводит из нашего дома?

– Я же говорю тебе, – рычит Марк. Миша заставил его несколько раз подряд повторить одно и то же. Я знаю, зачем он это делает. Потому что не доверяет ему. Проверяет его версию, выискивая в ней брешь.

– Вчера от тебя выехал, смотрю, на телефон звонок с неизвестного. И судя по номеру, от оператора из России. Я взял трубку, а там Оля. Охр*нел, не то слово. Ну, она в слезы, рассказала мне обо всем. Я ей билет оплатил, и вот утром она уже здесь. С аэропорта сразу к тебе, – Изварин закуривает сигарету, нервно выдыхая в сторону дым.

– Шторм, я понять не могу, что тебя не устраивает? То, что она выжила? Или то, что я помог ей? Какие ко мне предьявы?

Миша осекает его взглядом. Молчит. А мне его молчание лезвием по сердцу. Не хочу, чтобы чувствовал хоть что-то к ней!

– Хорошо, – кивает Русаков. – Ты в себя пришла? Можешь рассказать?

Она отставляет в сторону чашку кофе, и, кивнув, убирает волосы назад, заплетая их в высокий хвостик. Когда Ольга поднимает руки, ее кофта задирается, демонстрируя всем плоский живот.

– Могу я принять душ? Два дня в дороге... – вздыхает устало.

– Нет, – вдруг голос Шторма становится твердым.

Он усаживается на стул напротив нее.

– Сначала ты расскажешь мне все, – цедит сквозь зубы. – Какого хрена происходит? Я видел твой труп собственными глазами. Я, бл*ть, оплакивал его. А теперь ты вдруг заявляешься ко мне и говоришь, что хочешь принять душ? Что за игры тут происходят?

Вижу, как Изварин кулаки сжимает от злости.

Оля кривится.

– А ты бы хотел, чтобы я сдохла? – выпаливает с обидой, с наглостью глядя ему в глаза. Она ведет себя с ним так грубо, так неуважительно. Наглая, мелкая выскочка. Неужели, ему нравилось такое общение?

– Тебя бы больше устроило, если бы это я была там, во дворе твоего дома?

Он подается к ней резко, заставляя ее вздрогнуть от испуга.

– Я хочу узнать. Где. Ты. Была. И кому вместо тебя в моем дворе воткнули нож в бочину?

– Моя сестра.

Он отстраняется.

– Чего бл*ть? – смеется так заливисто, а потом вдруг его желваки напрягаются, а лицо приобретает злое выражение.

– У тебя не было никого кроме матери алкоголички!

Ее глаза вспыхивают от злости. Но всего на мгновение. А спустя пару секунд, они снова наполняются слезами и она всхлипывает.

– У меня есть сестра, близнец. Отец ушел от матери, когда нам по два годика было. Он забрал сестру, а меня мать себе оставила. И после того, как он ушел, мама начала пить. С каждым годом она скатывалась все сильнее, и когда мы с тобой познакомились, она уже давно была конченным человеком. Я никогда не говорила о сестре, потому что нечего было говорить. Она жила в достатке, с обеспеченным отцом. А я им нах*р не была нужна. Я не знала их адреса, не знала, в каком городе они живут. Про сестру я подумала сегодня, когда Марк рассказал мне обо всем. И это единственная версия, приходящая мне на ум. Возможно, она узнала мой адрес и хотела увидеться. Пришла в твой дом, а там ее подстерегал убийца.

Шторм напряженно смотрит на нее. Я не могу прочитать

его эмоции. Что у него сейчас в голове – остается лишь догадываться.

Миша поднимается со стула отходит к окну. Я вижу, насколько он напряжен, каждая мышца – камень.

– Я приехала к тебе от Аньки за вещами. Собирала все в чемодан, и как раз в тот момент в дом ворвался Денис Золотарев. Он стал кричать на меня, что нужно скорей уходить. Я даже сумку не успела взять. Как был паспорт в кармане, только с ним и ушла. Он меня в машину посадил и увез на вокзал. Купил билет до Тулы, посадил на поезд и сказал, чтобы не смела даже соваться сюда, в город. Сказал, что меня убить хотят, что тебе грозит опасность и что будет лучше, пока меня в городе не будет. Он так напугал меня, Миш, я поверила, – ее голос на этих словах ломается. Она снова плачет.

– Дэн дал мне около ста тысяч наличкой и купил по дороге новый сотовый с симкой. Всучил мне какой-то номер на бумажке. Сказал звонить по нему, только если буду в большой опасности. А сам обещал приехать ко мне через неделю.

В ее рассказе все очень складно выходит.

– Я приехала в Тулу, сняла там комнату, понимая, что денег этих должно хватить надолго. Я сидела и сидела, я ждала звонка, когда ты приедешь. Но никого не было. Два месяца назад у меня закончились деньги. У меня даже поесть нечего было, – стирает упрямо слезы с лица, прочищает горло. Наконец-то взяла себя в руки.

– Но я боялась звонить тебе или возвращаться. Тогда я

набрала первый раз этот номер. Но он был выключен. И я совсем отчаялась. Устроилась временно уборщицей, чтобы иметь хоть какие-то деньги, потому что последние я отдала за жилье. И вот спустя два месяца, когда закончилась оплата за аренду и я просто умирала от усталости и голода, набрала номер еще раз. И ответил Марк. А дальше, ты знаешь.

– То есть ты не знала о том, что я за решеткой? – он смотрит на нее так, что даже у меня озноб по телу пробегает.

– Нет. У меня и телека то не было. Телефон кнопочный, без интернета. Я все это время будто в пещере просидела. Не знала, что мне делать. А сегодня Марк рассказал все. Что Дениса убили, что ты в тюрьме сидел. И про, якобы, мою смерть... – она поднимается с дивана, к нему идет.

– Я так скучала, Миш. Я проплакала все глаза...

Замирает рядом с ним, в глаза ему всматривается. А в его взгляде ничего кроме холода сейчас нет.

– Хорошо, а где была ты перед убийством? Я искал тебя несколько дней, почему ты не пришла в клуб?

– Если ты забыл, мы поссорились с тобой тогда! Надеюсь, ты помнишь, из-за чего мы поссорились? Помнишь, какими словами меня называл?

Мне не по себе становится. А он вдруг оборачивается и на меня смотрит строго.

– Алэн, тебе лучше выйти.

У меня внутри булыжник острый. Прямо в желудок падает, придавливая меня к полу. Лицо горит, хочется разрыдаться.

ся. Накричать на него, наорать. С*ка! Да чего ж так больно то?!

– Нет, я послушаю, – пытаюсь звучать как можно спокойней. На лице улыбка ядовитая, скулы от нее сводит.

– Очень интересно узнать версию происходящего.

Он не сводит с меня напряженного взгляда. И в этот момент я так злюсь на него. Впервые он мне чужим кажется.

– У тебя дела были важные. Сейчас Артем отвезет. Вечером поговорим.

– Кто это? – влезает в разговор эта сучка.

Он переводит на нее взгляд.

– Да, Миш, кто я? Скажи ей. А то девушка приняла меня за домработницу.

Она начинает смеяться. Подходит к нему, толкает его в грудь.

– Значит, вот так ты оплакивал меня?! Значит, так ты страдал, с*кин ты сын!

– Угомонись, – Миша рычит, скручивая ее, а она кошкой шипит, вырывается.

– Тварь! Ненавижу! Ненавижу тебя! Всю жизнь мне сломал! Ты все сломал! Все!!!

Я смотрю на то, как он удерживает ее, как борет ее истерику. Смотрю на то, как она извивается в его руках, как задирается ее кофта, практически до бюстгалтера. Я словно в прошлое возвращаюсь. Сторонним наблюдателем. Смотрю на них и думаю о том, что он кайфует от ее эмоционально-

сти, от ее заскоков и загонов. Ему нравится то, как она ведет себя. Если бы не нравилось, такой как Шторм не держался бы ее. Он любил эту глупую, юную девчонку. А что здесь делаешь ты, Алена?

Оля продолжает визжать, а я больше не могу это слышать. Мне противно от всего, что происходит здесь. Я выбегаю из дома, схватив в коридоре ключи. Запрыгиваю в машину и выжимаю педаль газа в пол. Меня мутит. Тошнота накатывает волнами и с каждой минутой все сильнее. Остановившись у обочины, только и успеваю открыть дверцу, как содержимое моего желудка выходит наружу.

Я пустая. Уставшая. Изможденная. Моя жизнь, мое счастье – все фикция. Все, что я строила эти полгода, моя вера в человека – все висит на волоске. Но я знаю одно. Я больше не хочу возвращаться в тот дом. Я не хочу его больше видеть.

Глава 2

Две полоски.

Я сидела и пялилась на них, а внутри дрожь такая, словно я промозгла насквозь. Каждая косточка, каждая клетка тела пропитана холодом.

Ребенок. У нас будет малыш. У меня будет. Прикрыла глаза, чувствуя, как истерика набирает обороты. Хотелось плакать. Лезть на стену и кричать навзрыд. Что за гребаная насмешка судьбы?! Узнать о том, что ждешь ребенка от мужчины, который уже и не твой вовсе.

Первым порывом было вскочить и погнать к нему. Набрать его номер и произнести слова заветные. «Я беременна, Миш. У нас будет ребенок». Скулы сводило от горечи, поднимающейся по гортани.

Не нужен ему этот ребенок. И я не нужна. Он просто взял и выставил меня из дома. А чего ты ждала, Алена? Шторм ведь никогда не говорил тебе, что до конца твоих дней вы будете вместе. Я была временной, я была удобной. А теперь вернулась она. Настоящая и единственная любовь. Жалкая овечка, которую невозможно не хотеть носить на руках и оберегать. Я стояла там, в доме, смотрела на нее и чувствовала себя огромной, двухсоткилограммовой сумоисткой по сравнению с этой хрупкой, невероятно слабой девушкой.

Актриса гребаная. Делает то, что я никогда не умела де-

лать. Вертит умным, успешным, взрослым мужиком так, словно он подросток глупый. Пудрит ему мозг, заставляя плясать под свою дудку.

К черту их всех. Я не собираюсь принимать участие в этом цирке. И второй я не буду. Вернуться в дом, чтобы она снова назвала меня домработницей? А Миша, вместо того, чтобы на место ее поставить, а еще лучше выгнать за дверь, промолчал снова? Нет уж, спасибо.

Снова покосилась на тест, лежащий на раковине. Такое ощущение, будто я в страшном сне, где все самые главные страхи поднимают головы, и наступают на меня.

Одна. В чужой стране. Беременная. С такой задачей и я могу не справиться.

Устало подперев голову ладонями, прикрыла глаза. Почувствовала, как слезы потекли по щекам. Все рушилось, так и не начавшись. Но я знала наверняка, уже сейчас. Этот ребенок родится. И он будет самым любимым и самым желанным малышом.

Внезапный стук в дверь туалета заставил меня вздрогнуть.

– Алэн, прости, твоя помощь нужна... – раздался взволнованный голос Крис.

– Сейчас!

Быстренько собрала упаковку от теста и, запихнув все обратно в сумку, нажимаю на слив. Вымыв руки, осматриваю себя в зеркале. Глаза припухшие, лицо бледное, словно не ела нормально пару месяцев. Просто отлично. Думаю о том,

что нужно будет найти себе жилье. А еще записаться на прием к гинекологу.

Телефон, лежащий на раковине, загорается. Новое голосовое сообщение от Шторма. К черту его. Как и его неотвеченные звонки. Пусть занимается воскресшей малышкой Олей.

И, словно желая поиздеваться над собой, прикрываю глаза, представляя, как он сейчас обнимает ее. Как его руки на плечи ее опускаются, как он целует ее пухлые губы, как слова нашептывает теплые. И так завожусь, что кулаки сжимаются от злости.

Открыв дверцу, выхожу в коридор.

Крис хмуро осматривает меня. Девушка понимает, что-то не так, но я благодарна ей за тактичность.

– Снова приезжал Белицкий. Злой, как черт, – она обнимает себя за плечи. Я вижу, что девушка напугана.

– Он что-то сделал тебе?

– Нет-нет, – нервная улыбка кривит ее губы. – Просто кричал, что я вру. И сказал, что останется здесь, пока ты не появишься. Спасло положение то, что приехали поставщики рыбы, и я им тоже сказала, что тебя нет. В общем, он покрутился здесь, а потом ему поступил звонок на мобильный, и Артем уехал.

Наверняка, Русаков озадачил Артема своей любовью из прошлого. Тот и помчал, роняя тапки. Но это хорошо. Я не хотела видеть ни Артема, ни тем более Шторма. И я не уве-

рена, что захочу когда-либо вообще видеть их.

– Спасибо тебе.

Я направляюсь в свой кабинет, но Крис зовет меня.

– Прости, не хотела тебя дергать, но с поставщиком тоже проблемы. Привезли лосося не первой свежести. Водитель отказывается забирать свое добро обратно. И если рыбы не будет, сегодняшней банкет накроется.

– Сейчас...

Киваю и прохожу мимо нее, к заднему выходу. Учинять разборки – это меньшее, чего бы мне сейчас хотелось. Внутри все настолько оголено, напряжено, что малейшая искра может спровоцировать взрыв. А я его не хочу. Только не сегодня.

Спускаюсь по ступенькам и вижу припаркованный неподалеку фургончик. Высокий, черноволосый мужчина лет сорока, стоит возле него и спорит с Алексом, су-шефом.

Направляюсь сразу к коробкам, стоящим на небольшом столике во дворе. Открыв первую, тут же отстраняюсь. В нос ударяет неприятный запах, к горлу подкатывает тошнота.

Стараюсь дышать мелкими частыми вдохами. Взяв одну из коробок, закидываю ее в фургон. Мужчины, застыв в удивлении, уже спустя пару мгновений, приходят в себя. Водитель начинает на меня кричать, хватаясь за коробку.

– Значит так, – захопываю дверь, не впуская его в фургон. – Ты забираешь эту тухлятину и везешь ее своей семье. Своей пожилой маме, жене и маленьким детям. В моем ре-

сторане такого дерьма не будет никогда.

– Я ничего не знаю! Я простой водитель, мое дело отвезти и оставить я не собираюсь...

Он наступает на меня. Пытается толкнуть.

– Если хоть пальцем тронешь, мой муж всадит тебе пулю в лоб. И это не шутки, это чистая правда.

По всей видимости, мои глаза в этот момент горели пламенем. Водитель так и остался стоять с открытым ртом. Пробурчав что-то недовольное себе под нос, потянулся к дверце.

– Дайте, закрою фургон.

Кивнула.

– Передайте своему хозяину, чтобы даже звонить мне не вздумал!

Как только фургон отъезжает, я слышу свист. Обернувшись, встречаюсь с улыбочивым взглядом Алекса.

– Круто вы его, конечно. Но теперь мы остались без основного блюда на вечер.

В кармане начинает вибрировать телефон. Смотрю на экран, на котором имя его высвечивается. Веду пальцем по нему, сбрасывая вызов. Плевать. Пусть катится к черту. Я выберусь из этой ямы. А все что случилось, станет для меня хорошим уроком.

– Алэн, – к нам выходит Кристина. – Ваш муж на городской звонит. Хочет вас услышать. Я сказала, как мы и договаривались, что вас нет. Но, может, вы наберете? У него такой голос был злой! Как я поняла, Михаил сюда едет.

По коже озноб пробежал. И, будто желая меня добить, в этот момент на телефон пришло сообщение.

«Перестань это делать. Где ты?»

Злюсь на него. Но не хочу ввязываться в это. Не хочу выглядеть истеричкой.

Убираю телефон в карман, а он снова звонить начинает.

– Знаете, что ребят, – смотрю на часы. Уже вечер. – А не устроить ли нам выходной?

Алекс удивленно вздергивает бровью.

– Вы знаете в городе хороший бар? Я бы не прочь сегодня повеселиться.

Крис понимает, что мне нужна передышка. Нужно место, где я смогу хоть немного выдохнуть и расслабиться. Собраться с мыслями. Девушка согласно кивает.

– Если начальница говорит – в бар, значит, идем в бар. Алекс, ты ведь на машине?

Алекс довольно ухмыляется.

– На ней.

Долбанный телефон не перестает трезвонить. Я устала от бесконечных входящих от Шторма, от звонков его людей. По указу Миши, Артем устроил настоящую осаду на ресторан. Хорошо, мы успели уехать до его прихода.

Я в полной прострации. В моем стакане сок, и он из ушей скоро польется – так много я выпила. Поднимаю глаза на танцующих у барной стойки Алекса и Крис. Да уж, снимать

стресс лучше алкоголем.

Напротив меня сидит пара друзей Алекса. То ли байкеры, то ли рокеры. В общем-то, мне плевать. Главное, что не одна. А разговоры их, как шум для ушей. Забиваю голову, пытаюсь вытеснить все до единой мысли. Потому что если начинаю думать о Шторме, об Оле – трясет так, что желваки на скулах сводит.

– Алэн, ты как? – раздаётся над ухом голос Крис.

Обернувшись, встречаюсь с ее широкой улыбкой. Я немного завидую ее пьяному блеску глаз, ее храброй развязанности и легкости. Алекс простой и понятный. Он – сушеф, и его задача вкусно готовить. Кем является мой мужчина? Преступником? А я?

– Мы покурить хотим. Ты с нами? Или остаешься?

Я так нервничаю, что с радостью бы выкурила сигарету. Но с сегодняшнего дня и на ближайшие девять месяцев все плохое должно исчезнуть из моей жизни. Все плохое... А Шторм? Что делать с ним? Я знаю, что этот мужчина принесет мне кучу боли, я знаю, что теперь со мной малыш. Я в ответе за его здоровье и благополучие. Так, может, мне уйти? Уехать? Сбежать? Просто исчезнуть на какое-то время, чтобы не болело...

– Я останусь. А ты иди, – улыбаюсь ей в ответ.

Она кивает и машет парням. Как только столик пустеет, я прикрываю глаза, устало опуская лицо на ладони. Придти в бар, когда тебе нельзя пить – не лучшая из идей. И вместо

того, чтобы скоротать время и развеяться, я еще больше себя накрутила.

Поднимаю глаза, выглядывая в витрине ребят. Они у обочины. Алекс все время обнимает Крис, парни курят, о чем-то разговаривают, посмеиваясь. И вдруг рядом с ними тормозит черный внедорожник.

Пальцы леденеют, а к горлу подкатывает тошнота. Я спешу отвернуться, плююсь в стакан на остатки апельсинового сока в нем, от всей души надеюсь, что это не он.

Нет. Только не Шторм. Пожалуйста, не надо. Только не сейчас, упертый ты баран!

Слышу звон колокольчика на входной двери. В груди спираль затягивается, потому что, даже не видя, я знаю, что это ОН.

Взгляд его чувствую – злой, напряженный. Взгляд обожженного волка, готового разорвать свою жертву на куски. Только я не боюсь его. Ни за что не покажу своего страха.

Он идет по проходу. Ощущаю его присутствие в помещении каждой клеточкой своего тела. И все будто замирают вокруг. Чувствуют, что вожак пришел. Бояться к себе внимание привлекать, несмотря на то, что никто из отдыхающих не знает Шторма лично.

Он опускается на диван, рядом со мной, и запах его в легкие проникает. Дрожу. От страха или волнения – не знаю.

– Ну, привет, маленькая, – хриплый, тихий голос, противоположный тону, который я ожидаю от него. Который дол-

жен звучать, чтобы я могла еще сильнее злиться. Но только не это. Не щемящая сердце нежность, усталость в голосе.

А мне не сбежать никуда. Поднимаю на него глаза и дыхание спирает от того, сколько всего сейчас в его взгляде. Не хочу ничего чувствовать. Не хочу разговаривать с ним. Но от чего же внутри все скручивает в узел? И больно так, что не продохнуть.

– Если хотела провести вечер в баре, могла бы сразу сказать и не заставляй меня названивать весь день, – теплая улыбка кривит его губы, а мне как удар под дых. Зачем он так?! Так нежно и заботливо. Абсолютно без злости. Разве так нужно говорить с тем, кто уже чужой тебе? С тем, кто не нужен?

И ведь изощренно так больно делает. Поводок из рук не выпускает, но и в дом не берет. А я как пес бездомный. Понимаю, что не оставит меня с собой, что та, породистая болонка в его теплой кровати, а я так – для усыпления совести. И это так унижительно! То, через что он заставляет меня проходить.

К горлу подкатывает желчь. И я знаю, что еще пару минут в его обществе сделают из меня последнюю слабачку. Здесь будет залито все моими слезами, а Миша попросту утонет в них.

– Прости, мне пора, – голос севший. Приходится прокашляться, чтобы звучать хоть немного тверже.

– Мне на работу нужно заехать, – я пытаюсь встать, а он

руку выставляет, все еще с интересом изучая меню.

– Давай отдохнем, я дико голодный, – поднимает на меня напряженный взгляд. – Кое-кто меня сегодня и завтраком не покормил, – косится с хитрой улыбкой, беззлобно посмеиваясь.

Я хочу было сказать ему, что завтрак могла бы приготовить Оленька, если бы не была так занята своей истерикой. Но вовремя прикусываю язык. Не хочу унижаться.

К нам подходит официант и Миша делает заказ. Его рука вдруг ложится на мое бедро. По-свойски так, нагло. Пытаюсь скрыть дрожь, отворачиваюсь к окну. Нужно придти в себя, собраться с мыслями.

Вижу ребят. Они все еще у входа в бар. Водитель Шторма только что вышел из авто и направился прямо к ним. Перебросившись с Гаспаром парой фраз, моя компания дружно направляется к припаркованному неподалеку авто Алекса. Усаживаются в него и, даже не оглянувшись, уезжают.

Глазам своим не верю! Предатели! Хочется застонать с досады.

– Не злись на них, – слышу насмешливое у самого уха. Его горячее дыхание касается моего плеча.

Впившись в него яростным взглядом, продолжаю молчать. Шторм сейчас так непростительно близко!

– У них не было другого выбора.

Ну, конечно. Как же иначе. Ни у кого нет выбора, Шторм всеми крутит, как хочет.

Я больше не могу это выносить. Резко поднимаюсь.

– Дай выйти.

Он продолжает неподвижно сидеть на месте.

– Мне в туалет нужно, – произношу с нажимом.

Миша кивает.

– Ты злишься на меня, – не вопрос, утверждение.

Какие мы проникновенные, однако. Но я не собираюсь давать ему повод думать, будто ревную. Будто мне вообще есть до этого какое-то дело.

– Я в туалет хочу, поэтому, да, мне дискомфортно.

Он поворачивается, смотрит мне в глаза. Верней, не так. Сканирует. Прощупывает каждый мой нерв, каждую мысль в моей голове, будто ниточку перебирает. И ведь понимает все, чувствует. Такого, как он, не обманешь. Но я все равно попробую.

– Ладно. Сходи, – усмехнувшись собственным мыслям, в итоге поднимается, и, сделав шаг в сторону, пропускает меня.

Думаю о том, чтобы взять с собой сумку. Но тогда Шторм точно все поймет. Поэтому я проскальзываю мимо него, стараясь как можно скорей оказаться подальше.

Но быстро убежать не удастся. Его рука смыкается на моем запястье. Хватка жесткая, на грани с болезненной. Обернувшись, замираю, глядя в его глаза

– Хватит на сегодня глупостей, Ален. Будь умницей.

Не помню, как добралась до туалета. Словно провал в па-

мяти. Пришла в себя, уже, когда закрылась в женской комнате.

Хотелось забиться калачиком в угол, и рыдать что есть сил. От несправедливости, от жестокости его! Он того, что вдохнуть мне не дает. Не о такой жизни я мечтала. И как бы его не любила, не позволю унижать! Не позволю играть моими чувствами.

Мне нужно пару дней. Просто подумать, остыть. И тогда я приму решение. Но пока Шторм на меня давит, ничего хорошего не получится. Я знаю свой характер, я знаю его. Нам лучше переждать эту бурю. И ему, и мне разобраться с самими собой. Нужно решить каждому, по отдельности, что делать. А потом уже встречаться для разговора.

Силой он ничего не добьется от меня.

Нужно действовать быстро и решительно. Осмотревшись по сторонам, замечаю окно у дальней стены. Вот и мое спасение. Подбежав к нему, поднимаюсь по небольшому выступу наверх. Будет сложно взобраться на него, но я попытаюсь.

Толкаю створку вперед, открывая окно. Подтянувшись, влезаю на подоконник и выглядываю на улицу. Слава богу, тут первый этаж!

Сначала одна нога, потом вторая. С легкостью преодолеваю его, горько смеясь про себя. Господи, Романова, и до чего ты докатилась!

Спрыгнув, оттряхиваю юбку. А когда выпрямляюсь, желая осмотреться, вздрагиваю от испуга и неожиданности.

Миша стоит в нескольких метрах от меня. Облокотившись плечом о стену, курит сигарету. Крепко затянувшись, он выдыхает серый дым в сторону, окидывая меня прищуренным взглядом.

– Я же просил, тебя, Алена, без глупостей, – цедит сквозь зубы, и, посмотрев куда-то в сторону, делает шаг ко мне.

– Не трогай, – слетает с губ, в то время, как его грубые пальцы смыкаются на моем запястье. И теперь вместо страха меня переполняет злость.

– Угомонись уже, — за затылок меня хватает, больно сжимая волосы, в глаза ему заставляет смотреть.

– Я весь день тебя искал, как проклятый, бл*ть! – у самых губ рычит так, что от страха в дрожь бросает. – В голове черте что, а не мысли. А ты, бл*ть, трубку не берешь, и в этой дыре зависаешь?! Что за херь в твоей башке, Алена?!

В глаза его жесткие смотрю, а у самой ком в горле. За что он со мной так?! Разве не видит, как мне больно?!

– Пару дней. Просто пару дней свободы, – шепчу еле слышно, сглатываю. – Ты так сильно давишь, Русаков...

Он хмурится. И спустя секунду ослабляет хватку на волосах. Я отворачиваюсь, чувствуя, что сейчас польются слезы.

– Я пыталась, я правда пыталась! – срывается с губ вместе со всхлипом. – Я же говорила тебе, Шторм! Я говорила, что не стану номером два, слышишь?!

В глазах слезы, но я упорно не смотрю на него. Мне не нравится показывать свою боль. Я не хочу выглядеть ревни-

вой идиоткой в его глазах.

– Она жива, она здорова, и она вернулась к тебе! Я пыталась держаться, но это выше моих сил.

Чувствую, как пальцы его с еще большей силой сжимаются на моих волосах.

– На меня посмотри...

Зачем?! Разве не понимает, как тяжело мне сейчас на него смотреть?! Он злиться начинает.

– На меня, бл*ть, смотри, Алена-а-а-а, – его хватка вновь становится жесткой. Он заставляет меня повернуться, в глаза мои заплаканные смотрит, прожигая меня взглядом своим жестким.

– Ты – моя женщина. И это не изменит никто. Я не знаю, что там за херня произошла с Олей, и сейчас мне абсолютно пох*й на нее. Пока я гонялся за тобой по городу, ты даже не представляешь, какие мысли были в моей голове. Я уже думал, что тебя убили. А ты, бл*ть, от меня через окно туалета сматываешь?!

– А что я должна была делать?! Слушать ваши разборки? Смотреть на истерики, которые она закатывает тебе?

Вторая его ладонь мою скулу накрывает. Он заставляет мое сердце сжиматься.

– А теперь, послушай меня. Я с тобой. И единственное, что я хочу – тебя. Чтобы с тобой все было в порядке. Я за тебя любого урою, Алэн, – в его глазах так много нежности сейчас и любви. И меня сбивает с ног этой волной. Ноги под-

кашиваются, а он чувствует, как я падать начинаю. Перехватив мою талию рукой, удерживает меня на весу, к себе прижимая.

Я ощущаю, как громко и быстро бьется его сердце. Мое на такой же скорости гонит кровь по венам, отдаваясь шумом в ушах.

Лицо его расплывается в моих глазах. Чертовы слезы, как пошли, так и остановить не могу. Как мне хочется ему верить! Как хочется, чтобы он оказался прав, и я просто психанула на пустом месте. И я даже согласна принять эту правду, но есть одно «но».

– Ты любил ее... – эти слова словно яд прожигают мой язык, даются мне с таким трудом, что как только я это произношу, чувствую себя невероятно усталой.

А он улыбается нежно так, пальцами под глазами проводит, стирая мои слезы с лица.

– Дурочка ты, Романова, – выдыхает еле слышно. – И какая с тебя следачка, очевидного ж, не видишь... – смеется, упираясь в мой лоб своим.

– Поехали домой, родная. Я так сильно устал.

Глава 3

Дорога домой проходит в полной тишине. Он держит мою ладонь в своей, то и дело касается ее губами. А я в каком-то полусне нахожусь. Мысли о ребенке постоянно со мной. Я хочу ему сказать о беременности, но... Не сегодня. Пусть эта новость не будет омрачена ссорами и Ольгой.

Кстати о ней...

– Как думаешь, она правду говорит? – слетает с губ, и лишь сказав, я понимаю, что произнесла это вслух.

Не знаю, как теперь Миша отреагирует на разговоры о Данилюк. А мне много, что хочется узнать. Где она сейчас? Отправил ли он ее обратно в Россию? Или она все еще в стране, и собирается дальше мозолить нам глаза...

Миша косится на меня, словно прощупывает мой настрой. Не хочет обострять ситуацию?

– Не знаю пока, ничего не могу сказать. Но это странно все.

– Ты думаешь, она врет?

Шторм кривится. А потом качает головой.

– Она бы не пошла на подобное. Не пошла бы против меня.

– Потому что любит тебя? – едкая ухмылка слетает с его губ. Но я ничего не могу с собой поделать.

Он сжимает мою ладонь, бросая на меня взгляд.

– Это больше не имеет значения.

Хорошо. Пусть так.

– Хочешь услышать мою версию?

Он удивленно косится в мою сторону.

– Было бы здорово, – произносит с теплой улыбкой на губах. – Я все жду, когда вернется следователь по особо важным делам, и разложит мне все по полочкам.

В этот момент мы останавливаемся на красном свете. А я без шуток и об этом сегодня думала. Про все случившееся с Ольгой в России, и про ее версию.

– Она может быть невиновной, – я читаю в его глазах интерес. – Ольга вполне могла оказаться просто жертвой чьего-то заговора.

Миша кивает, явно ожидая от меня продолжения рассказа.

– Когда я осматривала фотографии с места преступления, волосы девушки были длиной чуть ниже плеч. Я еще удивилась, когда у тебя в доме фотографию ее увидела. Вы стояли на берегу моря, а ее волосы были такими длинными, что практически доставали до бедра. Но тогда я решила, что Оля незадолго до смерти сменила прическу...

– Нет. Она не стриглась, – он выглядел напряженным. Задумчиво потер подбородок.

– Ее волосы были длинными, она не стриглась. В день убийства, когда мне дали к ней подойти, я не заметил разницы. Но я был в таком состоянии, что ничего не видел, не

помнил. Попросту упустил этот момент из виду...

Вот поэтому Шторм ни разу не додумался усомниться в смерти Ольги. Да и я искренне считала ее покойницей.

– И по поводу Дениса. Возможно, каким-то образом, он узнал о том, что Дробин хочет подставить тебя, что едет к тебе, желая убить Олю и повесить на тебя преступление. Им нужно было загнать тебя за решетку, чтобы там Дробин мог в легкую сломать тебя.

Шторм хмурится. Но просит продолжать. И я продолжаю.

– Денис узнает обо всем, перехватывает Олю и отправляет ее на вокзал. Тебе не успеваешь набрать, возможно, боишься быть раскрытым. Он хочет всеми правдами спасти Олю, ведь для тебя она – самое важное.

Шторм молчит. Только пальцы сильнее сжимают руль. Его взгляд устремлен в лобовое, но я знаю, что он внимательно слушает меня.

– Золотарев возвращается к себе домой, возможно, собирает вещи, понимая, ЧТО именно наступает. И вот там его поджидает Дробин. Он хладнокровно убивает Дэна, боясь, что тот расскажет тебе и испортит твой план. Потом, Дробин возвращается к тебе в дом, возможно, уже понимая, что Ольга сбежала... что он там искал? Тебя?

В салоне полная тишина. Мы можем только догадываться, по какому плану следовал Дробин. Но то, что ему пришлось импровизировать – это бесспорно. Если бы не потерянные во время сопротивления лже-Ольги часы, мы бы не смогли

узнать, что убийцей был именно Дробин.

– И там, во дворе твоего дома, он видит сестру Ольги... Решив, что это она, он убивает ее. Потом возвращаешься ты, и все дальше по сценарию.

Несколько секунд Миша молча переваривает информацию.

– Все равно это странно. Почему она так долго не давала о себе знать? Почему не вышла на связь с тем же Гаспаром? Почему не набрала Изварина раньше?

– Тут сможет ответить только она, – пожимаю плечами, отворачиваюсь к окну.

Я хочу спросить о том, где она сейчас, но решаю, что это неважно. Шторм выгнал ее, он выбрал меня, пустившись на мои поиски по всему городу. Разве что-то еще может иметь значение? Вряд ли.

Миша заезжает во двор и выходит из машины. Я выхожу следом и поднимаюсь вместе с ним в дом.

Чувствую себя невероятно усталой. Прямоком направляюсь в спальню, в то время как Миша задерживается внизу. Разговаривает с начальником охраны.

В ванной снимаю одежду и бросаю все на пол. Захожу под теплую воду, наслаждаясь ее ощущением на своей коже. Намылив ладони гелем, провожу ими по животу. Интересно, как скоро он начнет расти? Внутри меня сейчас другая жизнь... Это так удивительно, так невероятно...

Высушив волосы и надев теплый халат, возвращаюсь в

комнату. Слышу, как льется вода из душевой в коридоре. Шторм не стал меня ждать, отправился туда.

Устроившись на мягком пуфике напротив шкафа с косметикой, наношу на лицо немного ночного крема. Мысли снова возвращаются к сегодняшней гостье. Где она сейчас? Была ли Ольга в этой комнате? Или Русаков выгнал ее сразу же после моего исчезновения? Господи, это так унижительно! Нет, я не стану его ни о чем спрашивать.

Поднимаю глаза, и вижу в отражении зеркала, как он заходит в комнату. Останавливается в проеме, буквально заполняя его собой.

Обернувшись, взглядом на нем застываю. Облизнув вдруг пересохшие губы, поднимаюсь и к нему иду. Он замирает. Глазами своими серыми каждый сантиметр моего тела ласкает. Жадно так скользит, словно истосковался дико.

На нем лишь полотенце, повязанное на бедрах. На торс его оголенный смотрю и вижу маленькие капли воды, стекающие вниз. Ловлю себя на мысли, что хочу слизать каждую из них.

Мой.

Вкусный. Красивый. Сильный. Опасный. Тот, кто выбрал меня. Кто отдал мне свое сердце. Разве я могу позволить забрать его у меня? Разве могу отдать, вручить его ей собственными руками? Два метра чистого, горячего тестостерона. Горячее сердце, и такой сложный характер.

Дырка ей от бублика, а не этот мужчина.

– Иди сюда, – голос свой не узнаю. Севший, хриплый, тихий. А он взглядом своим наглым, голодным по мне скользит. По оголенной коже ключиц, по шее.

Мало мне этого. Хочу полностью его ощущать. Хочу, чтобы как воздух ему была, чтобы ни секунды не мог в разлуке. Каким бы счастливым, каким бы горячим не было его прошлое, я – настоящее. И я не отпущу его никуда.

Тянусь к лямке халата. Неспешно, словно в замедленной съемке. Даю насладиться, играю с ним. А он глаз не сводит с дьявольского куска ткани. Наблюдает за тем, как развязывается халат, как его полы расходятся, как ткань тяжелой массой падает на пол, оставляя мою наготу совершенно незащищенной.

Я смотрю на него, высоко задрвав подбородок. Нет, я не принесла себя к его ногам. Я та, от кого он зависим. И это будет неизлечимая тяга.

Пусть смотрит, пусть впитывает каждый сантиметр меня. Я не хочу больше разыгрывать сцен. Я хочу, чтобы он даже не вспомнил сегодня о своей бывшей. Каждый миллиметр пространства в его голове и сердце займу я. И больше никто.

– Не бойся, я тебя не съем. Иди сюда, – произношу это, а самой так странно. Никогда еще не командовала им. Шторм не позволял. А сейчас я хочу показать ему, что и я умею быть сильной.

Он смеется. И в этом смехе столько страсти и желания обладать. Им буквально воздух пропитан.

Я чувствую, как это проникает в меня, просачивается в каждую пору, разносится по венам, концентрируясь внизу живота. Хочу его. Именно сейчас, именно такого.

Он делает шаг навстречу, а у меня желудок сжимает от переполняемого чувства восторга.

Хороший, послушный мальчик.

Мурашит от предчувствия того, что я хочу с ним сделать. И пусть раньше у меня на это не хватало смелости, сегодня все будет по-другому.

Его потемневший взгляд ни на секунду от обнаженной груди моей не отрываются. И мне чертовски нравится то, какое влияние я имею на Русакова.

– Смотри, не споткнись, – не могу сдержаться от укола. Ох, уж эта грешная, всезнающая улыбка на губах. Ох уж эти дорожки вен на сильных, мужских руках.

Когда он подходит, мои колени начинают дрожать. Внизу живота такая пульсация, что хочется сжать бедра, что есть сил.

Миша тянется ко мне рукой, вот-вот коснется груди. И я знаю, что тут же возьмет всю инициативу на себя. А я не отдам ее. Сегодня – она моя. Поэтому я отстраняюсь немного, уходя от его горячих пальцев.

Русаков хмурится. Но не успевает сильно разозлиться, потому что я цепляюсь за его полотенце, и рывком стягиваю ткань. Огромный эрегированный член – лучшее мое лакомство на сегодня. Я говорила, что этот мужчина как самый

вкусный десерт? И сейчас я собиралась насладиться им полной.

От его пристального взгляда мурашки по телу. И по блеску его глаз я понимаю, что Мише нравится мой план.

– Ты уверена? – смеется, когда я тяну его к краю матраца, заставляя усесться на кровать.

И как только Шторм это делает, я неспешно опускаюсь на колени, ни на секунду не отводя глаз от сильной части этого титана.

– А ты против? – выгибаю бровь, нагло смотря ему в глаза. Устраиваюсь между его ног. Провожу пальчиками по твердым сильным бедрам, разводя их пошире.

Он подозрительно щурится.

– Сегодня ты хотела сбежать от меня через окна туалета... Могу я не думать о безопасности? – настороженный, а сам уже ладонями о кровать опирается, представляя мне лучший обзор.

Вместо ответа, я неспешно обхватываю ладонью его ствол. Мои пальцы не могут сомкнуться – настолько он огромен, поэтому я помогаю себе второй рукой. Смотрю в глаза его, пожираемые дурманом, и чувствую, как тоже самое проникает в меня. Как каждую клетку заполняет желанием. Желанием обладать. Быть наглой, быть сексуальной, быть жадной.

Касаюсь языком его головки, и пицать от восторга хочется, когда вижу, как дергается мускул на его красивом лице. Не могу сдержать победоносной улыбки, глаз его не отпус-

каю. Хочу видеть, хочу каждую секунду его кайфа поймать. Обвожу языком его мощный ствол, вбирая в рот и выпуская. Он слишком широк для меня, поэтому с первого раза у меня не выходит вобрать его слишком глубоко. Второй раз я делаю это глубже. Он шипит, запуская пальцы мне в волосы, сжимая их, направляет меня так, как хочет сам.

Какой нетерпеливый. Отстраняюсь, осекая его строгим взглядом. И он понимает, о чем я. Уголок его губ слегка приподнят. Наглый, самоуверенный командир. Нет уж. Сейчас я главная.

И словно в наказание ему, выпускаю ствол изо рта и, обхватив свою грудь ладонями, сжимаю полушария, потираясь ими о его член.

– Ты же понимаешь, что по краю ходишь...

От его слов опасностью веет. Но когда я пасовала перед ней?

Отстранившись, снова вбираю его. По полной. Начинаю двигаться на нем яростно и быстро. Потому что сама этого хочу. А он грудь мою ловит и пальцами и сосок сжимает.

– Вот так, маленькая... Умница, – напряженный до предела шепот. За подбородок меня хватает, пальцами по скулам ведет. Наблюдает с упоением, как его член в глубины моего рта погружается.

Я буквально истекаю. Желание настолько сильное, что от одного касания его пальцев к лону я бы сейчас кончила. Вбираю его, а сама бедрами подаю – не могу сдержать этого

порыва.

Мой. Вкусный. Тот, в ком раствориться готова. За кого жизнь свою прежнюю отдала, и не жалею.

Я чувствую, как он необъятным становится внутри меня.

– Иди сюда – рычит, когда я его головкой практически до горла себе достаю.

Не успеваю понять, как вдруг оказываюсь подернутой в воздух. Он словно пушинку приподнимает меня и усаживает к себе на колени.

Его огромный член во мне. Прямо в моем истекающем лоно. И это мой личный запуск в космос.

– Вот так? – шлепок. Мое бедро горит. Рваное дыхание разрезает густой воздух между нами.

Шторм замирает, посильней обхватывает мою талию. Будто хищник, готовящийся к прыжку.

– Еще раз убежишь, я выпорю тебя, слышишь? – шепчет прямо в грудь мне, а потом его зубы смыкаются на соске.

И я больше ничего не помню. Как спину его крепкую ногтями раздираю, как постыдно стону, когда его член проникает в меня. Как сжимаю его волосы цепкими пальцами, как в плечо его крепкое вгрызаюсь.

В глазах темно, а ушах шум. Ничего не вижу и не слышу. Это дикое напряжение и последующий взрыв просто сносит с ног.

– Эй, ты в порядке? Маленькая? – смеется, а я голову с его плеча поднимаю. Зрение только возвращаться начало. Миша

все еще немного расплывается перед глазами. Но даже так я вижу его улыбку, и нежность во взгляде.

– Ты пометила меня, – смеется, кивая в сторону плеча.

Только сейчас замечаю красные борозды, идущие от плеча вниз к лопаткам.

– Прости. Я не специально... – только в голосе и капли сожаления нет.

И он понимает это. Смотрит на мою улыбку ехидную, и сам улыбается во все тридцать два.

Вдруг слышу, как над нами, на третьем этаже что-то падает. Словно кто-то уронил на пол вазу или что-то такое...

– Кто там? – поднимаю голову вверх. Пытаюсь сообразить, что там за комната. Гостевая.

Миша в ответ только крепче талию мою сжимает.

– Не отвлекайся, я еще хочу, – шепотом обдает кожу шеи. А когда я не слушаюсь, он за подбородок мой пальцами хватается и к себе поворачивает. И если секунду назад я была уставшей и довольной, то сейчас внутри меня огромный пульсирующий шар. И он вот-вот взорвется.

– Кто там, Миша... – напряженным голосом.

Он прищуривается недобро. А я замираю в ожидании ответа. Только попробуй, бл*ть, сказать, что эта сука все еще здесь...

И он как всегда мои мысли читает. Телепат чертов!

– Завтра ее здесь не будет... – грубым, строгим тоном.

– С*кин сын! – взрываюсь, пытаюсь спрыгнуть с него, а он

сильней стискивает меня в руках, не дает уйти.

– Я не могу ее выкинуть на улицу одну. Решу вопрос с жильем завтра, – рычит, в глаза мне гневно смотрит.

Из нежного и любящего снова в обозленного хищника превратился. И то, как он разговаривает со мной из-за этой девки – не оставляет ему шансов.

Внутри меня полыхает все, а глаза пеленой застилает.

– Ты еще и с жильем ей вопрос собрался решать?!

Сволочь! Ну какой же он гад! На двух стульях решил усидеть?! А я тут как дура растеклась! Люблю – не могу. А он, молча, все как ему надо сделал!

Я подхожу к шкафу, и, отодвинув дверцу, рыщу в поисках одежды. Хватаю первое, что попадается на глаза. И пока я лихорадочно натягиваю на себя вещи, он продолжает «закапывать себя».

– Она в стране одна! Я не могу так с ней поступить! Не могу просто сказать – вали к черту!

Его пальцы хватают меня за плечо. Резкий рывок – Русаков разворачивает меня к себе лицом. Жесткий. Теперь не только мой. И надо быть дурой, чтобы этого не понимать.

– Я с тобой, Алена. Но она мне не чужой человек...

По венам несется лава. Она концентрируется где-то в середине груди, трансформируется в огромный, пылающий шар, который вот-вот лопнет внутри меня.

– Она не чужой человек?! – шиплю, едва сдерживаясь от того, чтобы вцепиться ему в лицо. – Каким образом, ты с ней

породнился? Тем, что твой член побывал в ее вагине?! Или потому что все еще любишь ее?! – выкрикиваю эти слова, глядя в лицо ему. Ненавижу его в этот момент. Так же сильно, как несколько минут назад хотела.

– Не истери, – рычит, пытаюсь удержать меня. Да пошел он! Отталкиваю его и накинув куртку поверх футболки.

Пытаюсь уйти, а он в проеме вдруг вырастает. Чертова стена.

– Пошел к черту! – мне хочется плакать. Я злюсь на него, но показывать своей слабости не буду. Много чести ему видеть мои слезы!

– Моей ноги в этом доме не будет, пока эта сука здесь!

Шторм ни на сантиметр не сдвигается. Тогда я возвращаюсь к шкафу, пытаюсь вытащить из нижней полки чемодан. Как назло он застревает, и мне приходится потратить добрых пару минут, чтобы наконец-то освободить его.

Стянув с вешалок первые попавшиеся вещи, запикиваю их в саквояж. А когда разворачиваюсь, направляясь к выходу, едва не врезаюсь в Шторма.

– Успокойся, слышишь? – рычит, за подбородок меня схватить пытается. А я отстраняюсь в сторону, не позволяя коснуться себя. Как с больной со мной разговаривает.

– Только тронь меня, Русаков! Я клянусь, глаза тебе выцарапаю!

Он кивает. Нервно усмехнувшись, делает шаг назад и поднимает вверх ладони.

– Завтра ее здесь не будет. Даю слово.

Вот и отлично.

– Тогда до завтра и меня здесь не будет! – обойдя его, срываюсь вниз по лестнице.

Чемодан грохочет, спускаясь по ступенькам, и я только сейчас понимаю, что мы разбудили весь дом. И, уверена, Оленька тоже слышала нашу ссору. Злюсь на себя. За то, что так сильно взорвалась. Но Шторм не оставил мне другого выбора. Его поступок – отвратителен. И если он думал, что сможет провести меня вокруг пальца, так он забыл, что я не глупая, наивная девчонка.

Когда я оказываюсь во дворе, пытаюсь сообразить, куда мне поехать. Можно в ресторан, но в таком случае все работники будут в курсе. Можно снять номер в гостинице, но на часах уже давно за полночь, и кататься в поисках ночлега мне уж точно не хочется.

Взгляд падает на одноэтажный летний гостевой дом. Обычно там остается наша домработница, но неделю назад она уехала в отпуск, к своей семье в небольшую деревеньку в двухстах километрах от нас.

Вот и отлично. Сегодняшнюю ночь я проведу в нем, а завтра утром решу, как быть.

Зайдя внутрь, бросаю чемодан в углу и закрываю за собой на ключ стеклянную дверь. Меня все еще распирает от злости. Я расхаживаю из стороны в сторону, пытаюсь успокоиться, но тщетно.

Вдруг слышу стук. За дверью Шторм. Он уже в джинсах и белой футболке, выбежал за мной на босую ногу. Жестом показывает, чтобы я открыла.

Это происходит быстрее, чем я могу себя остановить. Рука взмывает вверх и демонстрирует ему кулак с оттопыренным средним пальцем. Пугаюсь собственных действий, видя, как его взгляд становится жестким, как дергаются желваки на его скулах. В какой-то момент мне вдруг начинает казаться, что вот – вот, он разобьет злосчастное стекло, разделяющее нас, и войдет в дом.

Проходят секунды, и они кажутся мне адовой вечностью. Кажется, дышать перестаю, потому что воздух становится таким густым, таким тяжелым. Я боюсь. Русакова боюсь. Никогда не видела его в гневе – Шторм был всегда спокоен, всегда собран. Но сейчас... в его глазах горело настоящее пламя.

Он складывает свои огромные руки на груди, опускает голову. Словно размышляет, что первое мне оторвет, когда наконец-таки доберется. А я дрожу вся, слежу за малейшим его движением.

Но когда он поднимает голову и наши глаза вновь встречаются, происходит то, чего я ну никак не ожидаю. Миша улыбается. Вот так просто его напряженное выражение лица вдруг смягчается, а уголки губ слегка вздрагивают в саркастичной улыбке. И больше нет злости в ней.

– Ты чокнутая, ты ведь знаешь? Мсмеется, а потом вдруг

вздыхает так, устало. В окно лбом упирается. И ни слова больше не говоря, разворачивается и опускается прямо на асфальт, опираясь о стекло спиной.

Какого черта он делает?! Там ведь холодно!

Да и плевать!

Развернувшись, усаживаюсь на диван и включаю плазму. Несколько минут бесконечно перечисляю каналы. Взгляд то и дело скользит в сторону двери. Он все еще там, сидит на плитке.

Вырубаю звук.

– Русаков, сваливай отсюда!

– Ага, – даже не поворачивается ко мне. – Бегу и спотыкаюсь, Романова. Видишь, уже пятки сверкают.

С губ рвется рык. Ну что за тиран?!

Сорвавшись с дивана, подхожу к двери и открываю ее. А он поднимается неспешно. И ничего, что на улице плюс пятнадцать, а он в одной майке.

– Все? Посмотрела телек? Теперь можно лечь спать? – улыбается устало, облачиваясь плечом о стену.

А мне больно так. Особенно больно, когда я поднимаю глаза и вижу в окне второго этажа силуэт Ольги.

Захожу в дом, пропуская его следом. Не собираюсь продолжать радовать эту мадам представлением. Но и Шторма я не простила.

Приближаюсь к камину, в стену смотрю. Чувствую его за своей спиной.

– Ей херово стало, Гаспар доктора вызвал, – раздается тихий шепот за спиной. – Вот и положили ее в комнате для гостей. Ну не выгонять же ее, Алэн. Хватит, – обнимает со спины, носом в волосы мне зарывается и от этого предательские мурашки по всему телу. – Давай лучше сексом займемся, чем это все...

Выворачиваюсь из его рук.

– Вот и здорово. Пожалел, бедненькую?! Но только про секс даже не мечтай. Пока эта девушка в моем доме, ты ко мне не прикоснешься...

Он улыбается. Отводит взгляд в сторону.

– Опрометчивое решение, конечно, но... – Шторм косится в сторону дома.

– А если ты ее хоть пальцем тронешь, обо мне можешь забыть Русаков, понял?!

Подходит, скулы руками обхватывает и в глаза мне смотрит.

– Да понял я, следачка. Понял, маленькая моя. Гостевой дом, значит гостевой дом. Будем сегодня спать здесь. Хватит ругаться, а то у меня так совсем бак потечет.

Глава 4

Не хочу вставать. И глаз не могу разлепить, как ни пытаюсь. Миша уже поднялся. Как только он покинул постель, сразу стало ужасно холодно. Слышала, как шумит вода в душевой. Но после ночного срыва у меня словно все силы вытянули. Вместо того, чтобы подняться и начать собираться на работу, я переворачиваюсь на другой бок и накрываюсь с головой одеялом.

Моментально проваливаюсь в сон. Он такой глубокий, такой цепкий. Затягивает меня с первого мгновения. Но вдруг по плечу пробегают мурашки. Кто-то безжалостно похитил у меня часть одеяла и теперь мне невероятно холодно. И я хочу было недовольно заворчать, но в следующую секунду горячие губы Шторма касаются дрожащих плеч, и жар от его поцелуя раскаленной лавой несется по венам.

– Алэн, – шепот, у самой кожи. Замурчать хочется от этой хрипотцы и нежности. Поворачиваюсь на спину, обвиваю его шею руками, так и не разомкнув глаз. Притянув к себе, касаюсь немного обветренных, но таких любимых губ.

Он смеется, когда я пытаюсь углубить поцелуй. Отстраняется, а я ворчать начинаю, желая ухватить его покрепче.

– Просыпайся, спящая красавица...

Рукой вниз веду, по груди его мощной, влажной после душа.

– Разбуди меня... и я проснусь, – шепчу, все еще пребывая в приятной сонной неге.

Под резинку его штанов заползаю, к самому дорогому... И когда мои пальцы смыкаются на твердом и мощном члене Русакова, он вдруг отстраняется от меня.

– Мне бежать нужно, маленькая. Машина уже ждет...

Черт.

– Тогда и не подумаю вставать, – ворчу, убирая от него руки, обиженно переворачиваясь на другой бок. Он несколько минут сидит на кровати, молча смотрит на меня. Уверенна, что смотрит. Чувствую каждым миллиметром кожи взгляд его горячий.

– Приеду вечером, поужинаем в ресторане, – снова поцелуй, его тяжелая теплая рука проходится по волосам. Улыбка сама на губах расцветает и когда он поднимается и выходит, я довольно потягиваюсь, решая поспать еще полчаса.

Только сна больше нет. Я вдруг вспоминаю обо всем, что было этой ночью. И самое главное, я вспоминаю об Оле. Шторм уехал и слова не промолвил, куда. С ней? Пусть только попробует! Я ему устрою кузькину мать.

Несколько минут кручусь в кровати, уже потерявшей всякое удобство и уют. Нет, уж лучше поеду на работу. Там хоть будет, чем мысли занять. А еще нужно записаться на прием к гинекологу.

Приняв душ, надеваю спортивный костюм, который случайно выбрала вчера ночью в шкафу и прохожу в дом. Ре-

шаю позавтракать, и только потом ехать. Дикое чувство голода в какой-то момент становится настолько сильным, что начинает трясти. Кажется, если прямо сейчас не поем, упаду замертво.

Вытаскиваю из холодильника свежие овощи, пару яиц и бекон. Поставив на плиту сковородку, разбираюсь с чайником.

– Доброе утро, – раздается за спиной голос, от которого к чувству голода присоединяется еще и желание убивать.

Обернувшись, одариваю ее быстрой «пошла нах*р» улыбкой. Продолжаю жарить яичницу, думая о том, что не стоит заниматься готовкой в таком расположении духа, как у меня. Говорят, негатив убивает все полезные свойства еды. Но есть хочется, и наглая стерва, похоже, никуда не собирается уходить.

Ольга приближается к холодильнику, и, открыв дверцу, рыщет в его недрах. И когда мой взгляд падает на нее, я вдруг понимаю, что она одета только в футболку, и сейчас ее задница, с черными стрингами представлена моему взору. А когда наглая с*чка, наконец-то, выпрямляется, и я вижу, какая именно это футболка, меня посещает дикое желание сорвать с нее одежду. Эту вещь я лично покупала Шторму на прошлых выходных.

– Подвинешься? – буквально силой вытесняет меня со своего места. Включив конфорку, ставит на нее турку. Мой любимый кофе, который я покупала несколько дней назад.

Что вообще происходит?

– Я думала, тебя уже увезли, – произношу это как можно спокойней. – Надолго Русаков позволил тебе остаться?

Она косится на меня, делая вид, словно не расслышала моих слов. Я тем временем, складываю в тарелку все, что приготовила, и направляюсь к столу.

– Ужасно не выспалась, – зевает лениво. – Ночью так шумно было. Соседи буйные... – наполнив свою чашку ароматным кофе, поворачивается ко мне. А у меня глаз дергается. И я не знаю, от чего больше. От того, что она слышала нашу ссору или от того, что посмела пить мой любимый напиток прямо у меня под носом. В тот момент, когда мне больше нельзя его пить.

– Не знаю, милая, – улыбаюсь ей, глядя на то, как эта наглая девица усаживается прямо за мой стол. – Мы с Русаковым спим, как убитые. Он умеет укачивать...

Она молчит. Смотрит на меня неотрывно, делая глоток напитка.

– Как тебе моя кухня? – спрашивает, ставя чашку на стол, многозначительным взглядом обводит помещение. – Я сомневалась в выборе столешницы. Хотела брать в бежевом цвете, но в итоге остановилась на сером. Мне кажется, он смотрится более выигрышно...

Я чувствую, как желчь поднимается по гортани. К горлу подкатывает. Интересно, если я оторву ей башку, это будет считаться самообороной от обезумевшей хищницы?

– Ужасно безвкусная кухня. Я хочу переделать, но пока слишком много времени уходит на бизнес, – неотрывно в глаза ее рыбы смотрю. Не пойму, что в ней мог любить Штурм?

– Хотя, стоит сделать заказ в мебельный, пусть ребята поменяют. У занятых бизнесом женщин так мало времени на подобные вещи...

Она молчит. Только улыбка ядовитая не сходит с ее лица.

– Как тебе моя футболка? Прости, своей одежды не было. Если бы не...

Нет-нет. Я не даю ей закончить эту фразу.

– Ты, кстати, надела футболку нашего садовника, – перебиваю нагло. – Миша говорил, что разрешил тебе остаться на ночь в нашем доме. Но я не думала, что он тебя в комнату к садовнику поместит...

Собираю посуду, направляясь к мойке. У меня совершенно пропал аппетит. Всего кусочек бекона съела.

Оля подходит ко мне. Не стесняясь, пялится. И если бы взглядом можно было убить, от ее ядовитого, я бы тут же упала замертво. Столько злости в этой тоненькой девушке. И куда делась та напуганная лань, чтоб была вчера?

Я пытаюсь ее обойти, но Ольга наглым образом перегоразживает мне дорогу.

Она подносит ткань футболки к носу, оголяя свой плоский живот.

– Я знаю парфюм Штурма, – произносит с улыбкой, в гла-

за мне глядя. – И ты слишком невнимательна. Эта футболка была на нем вчера утром, когда я приехала. Ты не хочешь узнать, как она оказалась на мне?

Я хочу больше не видеть эту стерву. Это возможно?

Забираю со стола телефон и смотрю на время.

– Хочу узнать, что там с поставщиками рыбы в моем ресторане, еще хочу понять, как мне сегодня провести две встречи в одно время, – поднимаю на нее глаза, с виноватым выражением лица. – Не хочу показаться негостеприимной, но готова вызвать тебе такси.

И здесь ее выдержка трещит по швам. Она больше не может сдерживаться.

– Ты пытаешься выгнать меня из моего собственного дома? – цедит сквозь зубы, срывая последние маски вежливости. – Ты идиотка, если...

С меня достаточно.

– Закрой свой рот, пока я не скатилась до твоего уровня.

Она замолкает. А меня уже трести начинает от неудержимого гнева, который я готова обрушить на эту змею.

– Я и так долго терпела твой спектакль, милая моя. Все, что было у вас с Мишей – было до меня. Сейчас все изменилось. Мне жаль тебя, но такова правда. Не унижайся, пожалуйста, не брызжи ядом, он никого не затронет. Собирайся, и уматывай отсюда.

Злые глаза ненавистной особы сверлят во мне дыры.

– Я буду ждать Мишу. Только он может выгнать меня от-

сюда. Но он этого не сделает. Потому что любит меня, до сих пор. А тебя ему жаль. Не хочет бросать ту, что помогла ему сбежать из тюрьмы. Он слишком совестливый. Если ты готова довольствоваться этими подачками, то ради бога... Только когда он целовал меня вчера, мне показалось, что он сильно соскучился. И что у нас все также как было раньше...

Я засмеялась. Правда. Это было сущее сумасшествие. А еще детский сад.

В дверях вдруг появляется высокая мужская фигура. Я поднимаю глаза и вижу Артема.

– Доброе утро, – хмурится мужчина, по всей видимости, услышавший часть нашего разговора. – Ольга, собирайся, я отвезу тебя в гостиницу.

С каким упоением я смотрела на то, как ее глаза наполнились гневом.

– В гостиницу? Ну уж нет. Шторм не посмеет выкинуть меня в гостиницу! Русаков обещал, что сегодня мы поговорим, я не поеду никуда...

– Шеф позвонил и отдал распоряжение. Прости, я ничего не знаю. Но ты можешь позвонить ему...

Она мечет в меня ненавистным взглядом. А я хватаю телефон и ретируюсь из комнаты.

Пожалуй, на этой ноте, я отправлюсь на работу.

Глава 5

Две недели спустя

– Миша не звонил?

Артем выглядел измотанным. Мужчина даже не посмотрел на меня, просто кивнул в ответ.

– У него совещание, просил тебя забрать.

Все ясно. Разочарование тяжелым покрывалом легло на плечи. Не приедет, значит. Как и вчера, и позавчера, и неделю назад. В последнее время я его совсем не вижу. Он стал замкнутым, чужим... Стараюсь заниматься делом и гнать прочь дурные мысли, но с каждым днем это сложнее.

Артем останавливает у дома.

– Аллен, – окликает меня, когда я, забрав с заднего сидения пакеты с едой, закрываю дверь.

– У него сейчас непростое время. Ему нужна твоя поддержка.

Мне хочется вспылить. Первым порывом – вернуться в машину и объяснить Артему, что я не могу стать Шторму поддержкой хотя бы потому, что он ничего мне не говорит. Я знаю, что Белицкий не поймет меня. Знаю, что назовет ревнивой истеричкой, если я расскажу ему все, что накопилось внутри. Поэтому, я просто киваю в ответ и иду в дом.

Здесь темно и тихо. В последнее время я пропадаю в ресторане. Главным образом для того, чтобы не слышать оглу-

шительную тишину, царящую в комнатах.

Как только вернулась Оля, Шторма словно подменили. Я хочу думать о том, что дело лишь в его занятости. Но сомнения, словно оголодавшие крысы раздирают изнутри.

Я не знаю, где Ольга сейчас. Шторм сказал лишь, что решил ее вопрос, и она больше не побеспокоит нас. Я хочу верить в то, что он отправил ее в Россию. И, уверенная в себе, гордая часть меня так и считает. Но есть и другая. Та, что дико ревнует своего мужчину, что до панического страха боится потерять его, боится упустить.

А он не помогает. Ни капли. Вчера Миша назначил мне ужин в ресторане, и не пришел на него. А сегодня ночью я впервые плакала. Лежала в темноте и молча роняла слезы в подушку. Уговаривала себя, пыталась успокоиться, ведь у меня под сердцем маленькая крошка, и я должна думать только о его благополучии. Но я просто не знаю, что делать с этим страхом, его так много внутри меня.

Утром Миша обещал, что придет пораньше. Я попросила ребят приготовить что-то особенное. Мой шеф-повар постарался на славу. Я хотела устроить семейный ужин и наконец-то рассказать Шторму о самой главной новости. Рассказать о том, кто уже три недели живет во мне.

Поставив на стол пакет с едой, я опустилась на стул. Достала из сумочки сложенный вдвое лист А4. Многочисленные записи врачевным подчеркиком, подпись и печать. Откидываю в сторону, оставляя себе только небольшой серый ку-

сочек бумаги. Изображенный на нем маленький комочек, не больше двух сантиметров в диаметре. Наш малыш... новая жизнь.

Провела пальцем по фото. Ну почему? Почему эта Ольга появилась именно тогда, когда я узнала о беременности? Когда у нас все устаканилось, когда мы стали счастливы.

Новость о нашем ребенке, должна была еще больше осчастливить нас. Я хотела сообщить обо всем в романтической обстановке, хотела видеть счастье в его глазах.

Мне так страшно и сложно без Миши, а его нет. Совсем нет рядом.

Я просидела за столом не меньше часа. Никто так и не пришел. Еду даже распаковывать не стала. Убрала контейнеры в холодильник. Аппетита нет совсем – жуткий токсикоз.

Поднялась наверх и, сбросив с себя одежду, направилась в душ. Поймала себя на мысли, что мне впервые одиноко. Настолько, что выть охота. Даже когда узнала об измене Бори, не было так тяжело. Хотелось рядом дружеского плеча, поддержки. Только от кого мне ее ждать? У меня только Миша и дедушка. Но ни один, ни второй не сможет сейчас мне ее дать.

Теплая вода немного помогла придти в себя. Я уже собиралась выходить из душа, как дверь ванной открылась, и в нее вошел Шторм. Огромный, сильный, с оголенным торсом, одетый лишь в джинсы. Он прошел к раковине, и, вымыв руки, облокотился о нее спиной.

Я выключила воду и раздвинула створки. Его тяжелый, уставший взгляд был устремлен на меня. Миша выглядел чертовски идеальным. Жилистые руки, упирающиеся в белый мрамор раковины, мощная рельефная грудь с растительностью, добавляющей его образу еще большей брутальности, и эта чертова дорожка волос от пупка к ремню джинсов, в которые были облачены его мощные ноги.

Я была жутко злой. В груди горело. И этот жар не давал мне спокойно мыслить. Я накинула на себя полотенце и неспешно обтерла все свое тело, делая вид, будто его нет со мной в комнате. Словно я здесь одна. Но я знала, как действуя на него. Одного лишь мимолетно брошенного взгляда было достаточно, чтобы заметить разгорающийся пожар в его уставших глазах.

И когда на мне не осталось ни одной капельки воды, когда я отбросила в корзину для белья полотенце, услышала его тихую, но жесткую команду.

– Иди сюда.

Захотелось рассмеяться. Он всерьез думает, что я подчинюсь? После двух недель тишины и его постоянного отсутствия? После ночей, проведенных в слезах? Я не собираюсь...

Но стоило обернуться и посмотреть на него, я тут же сбилась с мысли.

Миша смотрел на меня неотрывно. Его жесткий взгляд из-под хмуро сведенных бровей не оставлял сомнений. Он

весь был словно комок напряженных нервов. Только сейчас я поняла, насколько он заведен. И взгляд его голодный по моему телу скользит. А когда наши глаза встречаются, в моей голове звучит его голос.

– Не сейчас. Я не готов выяснять *бучие отношения, Алена. Мне просто нужна ты...

Клянусь, с его губ ни слова не сорвалось. Но я стояла, в глаза его серые смотрела и понимала, насколько ему тяжело... Я не знаю, что именно случилось у Шторма. Не знаю причин его состояния, но я уверена, что отдам ему все, что попросит. Как бы не злилась, как бы не обижалась, не смогу оставить его таким потерянным.

И я иду. Делаю шаг, а он, не желая ждать ни секундой больше, резко протягивает руку и, схватив меня за запястье, к себе притягивает. Обхватив руками мою талию, упирается лбом в район пупка.

Крепость его объятий, жар тела и запах Шторма. Не успеваю понять, как вся злость уходит куда-то. Остается лишь он и мое тело, жаждущее его прикосновений и ласк.

Миша молчит. Только ладони его сильные, горячие, по моей талии скользят, спускаясь к бедрам. А потом неспешно, возвращаются обратно, наверх. Низ живота наполняется тяжестью, и его горячее дыхание, касающееся нежной кожи внизу живота, заставляет дрожать.

Запускаю пальцы в его волосы, слегка их сжимаю. И в этот момент его горячие губы касаются моей кожи. Он поглажи-

вает мой живот, а потом спускает руку к уже истекающей от желания плоти, и принимается тр*хать ее своими наглыми, умелыми пальцами. Мне хочется закрыть глаза, ведь то, что творится сейчас внутри меня – слишком сложно выдержать. Голова кружится.

Я слышу, как Шторм опускается на пол, становясь передо мной на колени. Это пугает. Я понимаю, что это лишь секс, и он просто хочет быть ближе... Но сам вид этого огромного страшного зверя у своих ног, заставляет сердце сделать паузу, и погнать кровь с такой силой, что в глазах начинает темнеть.

Я опираюсь руками о поверхность раковины, и в этот момент его язык касается моей плоти. Это настоящий взрыв. Мои ноги становятся ватными, и если бы не Русаков, буквально держащий меня на себе, я бы свалилась без чувств, прямо на холодный пол.

Он проникает в меня, с ловкостью находя самые чувственные точки. Шторм так крепко держит меня, так рьяно мучает ласками, будто я сладкий леденец на его языке. И когда он вдруг кусает мой клитор, одновременно с этим проникая в меня пальцами, я начинаю сокращаться.

Это очень сильно. И так ослепительно громко, что я замуриваюсь, не слыша ничего вокруг. А он жадно поедает меня, поглощает каждую каплю моего экстаза. И когда последняя волна проходит по моим нервным окончаниям, я абсолютно без сил, падаю ему в руки.

Миша поднимается вместе со мной и, подхватив под бедра, усаживает меня на стиральную машинку. Разводит мои ноги, устраиваясь между ними. И пока освобождается от остатков одежды, я смотрю на него сквозь пелену.

Мощная, твердая плоть Русакова немного покачивается от движения его тела, когда он перемещается ближе ко мне. Дорожки вен на жилистых руках, рельефы груди и пресса. У меня так много к нему вопросов, так много сомнений, но когда я тянусь к нему рукой и, подхватив за скулу, заставляю посмотреть в мои глаза, то все сомнения превращаются в пыль.

Мой он. Целиком и полностью. Дышит мной, во мне успокоения ищет. Мной жажду свою утолить хочет.

Я созерцаю его, а Русаков совсем не в том настроении. Ему нужно быстро и грубо. Пальцами обеих рук он впивается в полушария моих грудей, притягивает к себе и кусает мой сосок. Я шиплю, а Шторм опускает руки на мои бедра и резко насаживает на себя. Жестко, резко. Он берет меня. Он пьет меня. Забывается во мне.

Я знаю, что у него проблемы, знаю, что-то случилось. И мне больно от того, какой он закрытый. Но сейчас Миша нуждается в моем теле. И я все себя без остатка отдаю.

Он кончает. Сжимает пальцами мои плечи, утыкаясь в грудь. Я слышу тихий, утробный рык и чувствую его дрожь во мне. А когда все заканчивается, я обнимаю его, обхватив Мишин торс ногами.

Мы молчим. Я не знаю, с чего начать. По телу приятная истома, но в голове все те же вопросы. Шторм отстраняется первым.

Он убирает свою одежду с пола, забрасывая ее в корзину грязного белья. А потом, берет меня за руку и ведет в душ.

Русаков купает меня. В уютном молчании, то и дело лаская меня нежно-печальным взглядом. Я не могу поймать его глаз, он не смотрит в мои. Специально не смотрит. Неспешно намыливает, натирает каждый сантиметр моей кожи. Делает это так, словно я маленький ребенок. От такой сильной перемены в нем, сердце в груди сжимает. Мне страшно. Почему-то, кажется, что произошло что-то плохое. Просто Миша не говорит. А мне в этой жуткой неизвестности совсем не по себе.

Когда все заканчивается, он подает мне полотенце и закрывается в кабинке сам. Я накидываю халат и спускаюсь вниз.

Решаю разогреть ему ужин. Достаю из холодильника контейнеры с едой и грею все в микроволновке. И когда все блюда красиво расставлены на стол, когда зажжены свечи, Шторм спускается на первый этаж. На нем только шорты. Его волосы все еще влажные после душа, и мне жуть как хочется снова зарыться в них пальцами. Но я держусь. Сначала нужно разобраться во всем, а потом давать волю чувствам.

Миша молча садится за стол и принимается за еду. Я накладываю себе немного овощного салата – это все, что я могу

сейчас есть. От остального тошнит. И пока я неспешно пережевываю пищу, он не сводит с меня задумчивого взгляда.

Покончив с ужином, он поднимается из-за стола и приблизившись ко мне, целует в волосы.

– Мне пора. Ложись спать, буду к утру.

Разочарование не дает сделать вдох. Перед глазами пелена, и я смотрю на то, как он идет к лестнице.

– Может, ты объяснишь, что происходит? – слетает с губ, и в этот момент огромный ком, наконец-то проходит вниз по пищеводу.

Шторм замирает. Стоит ко мне спиной, немного ссутулившись. Я знаю, что на его плечах лежит какой-то груз. Но вот какой?

– Все в порядке, тебе не о чем переживать.

Он поднимается вверх, а я чувствую, как внутри меня растет раскаленный шар, и он вот-вот лопнет.

Срываюсь следом. Разъяренной фурией буквально залетаю в его кабинет. Он снова это делает! Пользуется мной и уходит! Русаков оставляет меня одну, делая невыносимо больно!

– Ты считаешь это нормально?!

Шторм что-то ищет в бумагах на своем столе. Он поднимает на меня глаза, выглядя абсолютно спокойно.

– Я не пойму, о чем ты. Прости, Ален, мне нужно ехать. Срочные дела.

Шторм забирает какие-то документы и направляется к

выходу. Но я застываю в дверях.

– В ней дело? Да? Если ты решил остаться с ней, так и скажи, Русаков. Не х*р делать из меня дура набитую!

Он подходит ко мне вплотную. Смотрит на меня с высоты своего роста. Со злостью смотрит.

– Тогда не веди себя как дура набитая, – а голос до раздражения спокоен.

– Я сказал, все в порядке.

Он отодвигает меня в сторону. А я вцепляюсь в его руку пальцами. Не позволю ему все сломать! Не позволю растоптать нас! Только не сейчас! Не тогда, когда он нужен НАМ!

– Не надо говорить так со мной... – голос сиплый, дрожит. Сглатываю ком, смотря на него сквозь слезы. А он все такой же равнодушный и спокойный.

– А ты не врубай свои яйца и не меряйся со мной. Я – мужчина, ты – женщина. И решать дела в этой семье буду я. Не забивай свою голову всякой х*йней. Сейчас сложное время, просто потерпи. Я обещаю, что скоро вернусь...

Его слова одновременно злят, и дарят надежду. Может, это все гормоны? Может, из-за них я так остро реагирую на его отсутствие дома? Я не знаю что делать. Не знаю, как достучаться до Миши...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.